

О ВЗАИМОСВЯЗИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ УРОКА (на примере прозы Ю. Казакова)

Л. В. ДЕРБЕНЦЕВА,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры словесности и культурологии НИРО
Lara.derbenцева@yandex.ru

В статье на основе анализа публикаций, связанных с формой современного урока, представлена система уроков по лирической прозе Ю. Казакова (лирический дневник, альбом воспоминаний, сценарий документального фильма). Автором учтены художественные особенности рассказов «Свечечка», «Долгие крики» (на уровне композиции, стиля, образно-смысловых связей).

The article is based on the analysis of publications associated with the form modern lesson, presents a system of lessons on lyrical prose of Yu. Kazakov (lyrical diary, album memories, documentary film scenario). The author considered features the stories «Candle», «Long screams» (at the composition level, style, figurative and semantic relationships).

Ключевые слова: *форма урока, единство содержания и формы произведения, лиризм, лирический герой, художественная деталь*

Key words: *type of lesson, the unity of content and form of work, lyricism, poetic hero, feature detail*

Современная методика преподавания литературы исследует важнейшие проблемы — требования к уроку и взаимосвязь его этапов; выбор методов, приемов обучения и организацию деятельности учащихся; результативность, эффективность, типологию занятий и проблемы оптимизации обучения; содержание и формы самостоятельной работы учащихся; организацию и отбор материала; взаимосвязь коллективной, групповой и индивидуальной работы ребят во время занятия; роль учителя на разных этапах урока и т. д.

В настоящее время в методической литературе можно встретить немало публикаций, которые касаются формы современного урока. С нашей точки зрения, это одна из наиболее сложных проблем, в решении которой необходима терминологическая ясность, так как часто происходит смешение понятий «форма урока», «тип урока», «сценарий урока», «вид урока» и т. д.

Современная дидактика предлагает классификацию уроков по форме организации материала, например, уроки с из-

менными способами организации (урок-лекция «Парадокс», защита идей, урок-встреча и т. д.); уроки, имитирующие какие-либо занятия или виды работ (урок — историческая экскурсия, урок — заочная экскурсия, урок-экспедиция и т. д.); уроки с игровой состязательной основой (воображаемое путешествие, пресс-конференция, урок-турнир, урок «Встреча с прошлым» и т. д.); уроки, основанные на оригинальной организации учебного материала (урок-обозрение, урок-решение, урок-аннотация, урок открытых мыслей, урок-панорама, урок-портрет и т. д.); уроки по аналогии с организованными событиями (урок-конференция, урок-юбилей, урок-посвящение и т. д.); уроки по аналогии с известными формами и методами деятельности (урок-исследование, урок-интервью, урок — мозговой штурм, урок «Двойное кольцо Сократа» и т. д.). С нашей точки зрения, эти подходы к классификации представляют обобщенный опыт такой работы. Однако урок искусства, в частности урок литературы, на котором доминирует увлечение внешними формальными «украшениями», в большинстве случаев не достигает желаемых результатов. Именно поэтому проблема взаимосвязи формы и содержания урока литературы является принципиальной для гуманитарного образования.

В процессе создания уроков, учитывающих взаимосвязь формы и содержания, учителю необходимо помнить о жанровой специфике изучаемого художественного текста, планировать специфику деятельности учеников на занятиях, выбирать адекватную форму для отобранного содержания и продумывать «внешние» и «внутренние» связи и линии между уроками.

Возможен ли «перенос» единства содержания и формы в художественном тексте на конструирование урока литературы? Что подразумевает единство содержания и формы урока литературы? В чем специфика таких уроков?

В известной работе М. М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» четко сформулированы задачи эстетического анализа и представлено разграничение понятий «содержа-

ние», «материал», «форма». Форма материала, по мнению автора, становится «чисто внешним упорядочиванием материала», а форма содержания немислима без ценностного отношения автора и читателя к чему-либо помимо материала. Именно это ценностное отношение, выраженное ритмом, гармонией, симметрией и другими формальными моментами, является эстетической формой. Особое внимание обращают на себя критерии формы, предложенные М. М. Бахтиным: ритмичность, активность, условность и внутренний динамизм [1, с. 298—302].

В процессе создания уроков, учитывающих взаимосвязь формы и содержания, учителю необходимо помнить о жанровой специфике изучаемого художественного текста, планировать специфику деятельности учеников на занятиях, выбирать адекватную форму для отобранного содержания и продумывать «внешние» и «внутренние» связи и линии между уроками.

Для иллюстрации рассмотрим опыт изучения лирической прозы Ю. Казакова в 11-м классе.

Рассказы Ю. Казакова, писателя необычайно лиричного, открывающего как на исповеди сокровенные тайники своей души, — одна из лучших страниц русской литературы XX века. Основную черту его прозы можно определить как лиризм, являющийся, прежде всего, содержательной характеристикой данного явления. Лиризм касается, в первую очередь, жанра, тематики, системы персонажей, образа автора. К жанровым признакам (связанным прежде всего со стилистическим уровнем) лирической прозы Ю. Казакова можно отнести следующее:

✓ особый ритм прозы, представленный на композиционном (динамическая композиция, где динамизм возможен благодаря движению мысли от воспоминания к воспоминанию, и второй способ композиционного построения — монтаж) и стилистическом уровнях художественной системы;

✓ эстетическая сторона стиля Ю. Казакова определяется близостью его твор-

чества к импрессионистической эстетике, оттого предмет изображения — не столько реальность, сколько воспринимающее эту реальность сознание;

✓ комплекс концептуально значимых лейтмотивов, причем им может стать любой элемент текста — слово, фраза, деталь, черта портрета, характера персонажа, отдельный эпизод и т. д., которые, появляясь в наиболее важных частях текста, способствуют преодолению дискретности повествования, предполагают возможность неоднозначного восприятия и образуют метатекст, позволяющий судить о смысловых доминантах авторского пространства;

✓ «верность» Ю. Казакова жанру рассказа на протяжении всего творческого пути: условно их можно определить как рассказ-событие (в большей степени ранние рассказы: повествование от третьего лица, сохранение традиционного сюжета, психологическая ситуация завуалирована, за основной сюжетной линией скрыт некий сверхсмысл — тот самый призыв, о котором так часто упоминает Ю. Казаков в своих литературоведческих высказываниях) и рассказ-переживание, в котором сюжет заменяют настроение и волевые ассоциации, для них характерны непоследовательность, многослойность, монтажность повествования, они лично окрашены и часто автобиографичны;

✓ своеобразие поэтической языковой образности (это чаще всего связано с явлениями природы) [2, с. 134—136].

Учитывая жанровую специфику художественных текстов, которые выбираем для текстуального анализа, особенности возрастного и литературного развития учащихся, мы предлагаем варианты проведения уроков в следующих формах.

Первый урок — знакомство с именем Ю. Казакова и его творчеством — может быть построен в форме создания своеобразного дневника писателя, в котором страницы жизни, рассказанные им самим, помогут нашим ученикам поближе познакомиться с его жизненной позицией, с

увлечениями и интересами, с внутренним миром. Для этого занятия мы выбираем автобиографический рассказ «Долгие крики».

Автор рассказывает о том, что где-то в глубине северных лесов есть пристань, до которой нужно идти очень долго, примерно двадцать километров, по тропе,

выложенной «из брошенных прямо в топь толстых бревен и стесанных досок». Сюжет произведения, как и большинства других рассказов Ю. Казакова, прост. Но здесь интересен не сюжет, а, если можно так выразиться, смысл сюжета заключающийся в возвращении к себе,

своему юношескому переживанию. По сути, в этом рассказе вся биография писателя Ю. Казакова — «городское детство на арбатских дворах, природы и в глаза не видал и не думал о ней»; «первая охота» в читальном зале библиотеки и «величайшая страсть» к оружию; путешествие по Оке и Печоре (двадцать лет спустя) и, наконец, долгий путь к «Долгим крикам».

Для создания дневника писателя ребятам придется размышлять над следующими вопросами: «Какие “звуки” можно услышать в рассказе? Сравните начало и финал рассказа: как меняется “качество” звуков? Случайны ли в рассказе истории о судьбах других людей (продавец оружия, история хозяина с озера Долгие Крики, легенда об обители и др.)? Как бы вы определили смысл рассказа — “бегство от себя...” или “возвращение к себе...”? Почему автор вспоминает охоту на глухаря? Как вы думаете, раздастся ли последний выстрел? В чем “покаялся” автор перед читателем?» В результате учащиеся создают страницы дневниковых записей, подбирая дополнительно названия к ним. Например, одну из страниц ученики предлагали назвать «Благородная страсть», другую — «Побег», «Звуки города», «Тишина» и т. д. Все страницы сое-

Первый урок — знакомство с именем Ю. Казакова и его творчеством — может быть построен в форме создания своеобразного дневника писателя, в котором страницы жизни, рассказанные им самим, помогут нашим ученикам поближе познакомиться с его жизненной позицией, с увлечениями и интересами, с внутренним миром.

динял лейтмотив звучащих голосов: от звуков «шумной Москвы» к звукам тишины и творчества. Кто же услышал «долгие крики» писателя Ю. Казакова?

Второй урок — знакомство с удивительным рассказом Ю. Казакова «Свечечка». Он выстраивается в форме создания альбома воспоминаний об одном вечере из жизни героев. В 70-х годах XX века, когда Ю. Казаков писал уже редко, вышли в свет два его великолепных рассказа — «Свечечка» и «Во сне ты горько плакал».

Замысел этих рассказов вынашивался очень долго. «Свечечка» построена как монолог отца, обращенный к сыну. Отец напоминает сыну о том, каким тот был в младенчестве. Но завязывается сюжет с чувства, которое завладело отцом: «...такая тоска забрала меня вдруг в тот вечер, что не знал я, куда и деваться — хоть вешайся!» Когда он выходит с сыном на прогулку, мир видится ему в мрачном и печальном свете: «...вошли мы с тобой в аспидную черноту ноябрьского вечера». А затем свое состояние отец выговаривает в исповедальном слове: «Ах, как не люблю я этой темноты, этих ранних сумерек, поздних рассветов и серых дней... Не было никогда у меня отчего дома, малыш!»

Все эти сетования на осеннее убывание дней, на бездомье есть выраженные состояния человека, задумавшегося

о своем пределе, ощутившего совсем рядом с собою дыхание рока и подавленного сознанием своей незащищенности перед смертью. Кульминация рассказа — описание тех мгновений, когда

сын и отец, сидя на полу, «пускают» друг другу автомобильчик, а высшая точка этого эпизода — счастливый смех мальчика. Как описан его смех! Такое можно слышать тем абсолютным слухом, которым только отец может уловить все тончайшие оттенки голоса своего ребенка: «Ты засмеялся своим непрерывно лью-

щимся, закатывающимся смехом, который бывает только у таких маленьких, как ты, детей, когда смех журчит и горлышко трепещет не только при выдохе, но и при вдохе...» Здесь автором найдены какие-то особенные слова, запредельные в своей нежности, трепетности, благоговении. Это то, что называется старинным словом «умиление». И действительно, за всеми эмоциональными реакциями отца стоит буквально молитвенное отношение к своему сыну.

Наконец, в последнем эпизоде воочию раскрывается святость отношений между ребенком и отцом. У них есть ритуал: перед сном отец должен рассказать сыну сказку. Но обставляется это так. В детской гасится свет, сын ждет в своей кровати, и отец входит к нему со свечкой. «Озаренный свечой, ты сиял, светился, глаза твои, цвета весеннего неба, лучились, ушки пламенели, взлохмаченный пух белых волосиков окружал твою голову, и мне на миг показалось, что ты прозрачен, что не только спереди, но и сзади ты освещен свечой. «Да ты сам свечечка!» — подумал я...». У той аналогии, которая родилась у отца при виде ребенка, — в самом слове «свечечка» — слиты простая человеческая нежность и нечто подобное религиозному чувству. Он относится к своему сыну как к чуду, как к свету, к надежде на спасение.

Образы ребенка, свечечки и огонька в ночной тьме, на который наш герой когда-то вышел, заблудившись в северных лесах (это воспоминание выплывает по логике психологического параллелизма), связываются одной нитью — нитью надежды на возможность выхода из экзистенциального тупика вопреки осени, уходящим отцовским дням и годам, разлитому в воздухе чувству печали и неизбежной беды. Рассуждение ребят организует система вопросов: «Почему название рассказа не «Свеча», а «Свечечка»? Что изменилось в состоянии рассказчика? Напомним, что в первой фразе рассказа было «такая тоска... хоть вешайся», в финаль-

Второй урок — знакомство с удивительным рассказом Ю. Казакова «Свечечка». Он выстраивается в форме создания альбома воспоминаний об одном вечере из жизни героев.

Образовательный процесс: методы и технологии

ной — «и снова захотелось жить». Найдите подтверждение тому, что основной лейтмотив рассказа можно определить как образ разгорающегося пламени».

Третий урок выстраивается как создание сценария документального фильма к ненаписанному рассказу Ю. Казакова «Послушай, не идет ли дождь?»

Таким образом, выстраивая систему уроков по творчеству Ю. Казакова, мы попытались сохранить единство содержания урока (художественную природу текста, учет возрастных и литературных особенностей учащихся и др.) и формы, наиболее адекватной и органичной для лирической прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. — Киев, 1994. — С. 260—304.
2. *Егнинова, Н. Е.* Национальные традиции в творчестве Ю. Казакова: проблема жанра / Н. Е. Егнинова // Россия — Азия: становление и развитие национального самосознания : материалы междунар. науч. конф. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — С. 134—136.
3. *Казаков, Ю. П.* Во сне ты горько плакал. Избранные рассказы / Ю. П. Казаков. — М., 1977.
4. *Казаков, Ю. П.* Две ночи. Проза. Заметки. Наброски / Ю. П. Казаков. — М., 1986.